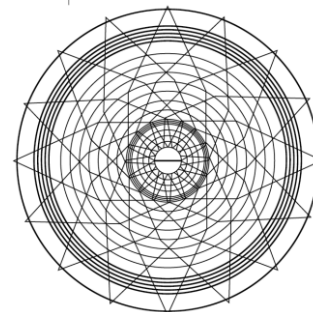

[Научные статьи]

Шомова С. А.

От конспирологии до розыгрыша:

проблема мис- и дезинформации в пандемийном дискурсе

ОТ КОНСПИРОЛОГИИ ДО РОЗЫГРЫША: ПРОБЛЕМА МИС- И ДЕЗИНФОРМАЦИИ В ПАНДЕМИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Шомова С. А.

доктор политических наук, профессор
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
sshomova@hse.ru

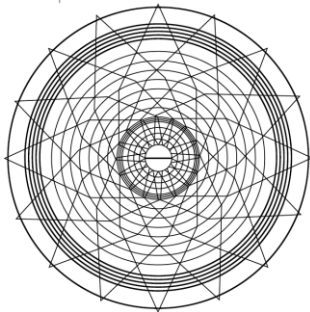
Аннотация:

Как любая кризисная ситуация, пандемия COVID-19 обострила и «подсветила» многие проблемные узлы коммуникационных взаимодействий, в том числе проблему распространения в информационном пространстве недостоверной информации. Фейки коронавирусной тематики обладают не только высокой вирулентностью, но и немалой эффективностью воздействия на аудиторию. В статье приводится обзор основных направлений изучения феномена мисинформации и дезинформации, рассматривается специфика «коронавирусных» фейков, а также предлагается авторская типология основных разновидностей фейка в пандемийном дискурсе Рунета.

Ключевые слова: мисинформация, дезинформация, фейк, COVID-19, Рунет

Феномен фейка является одним из наиболее обсуждаемых медийных феноменов не только в академическом дискурсе XXI века, но и в контексте индустриальных дискуссий – в прагматике повседневной деятельности СМИ, в пользовательских коммуникациях и модераторских правилах крупнейших интернет-платформ, в решениях международных организаций, связанных с распространением массовой информации. Если очень кратко суммировать направления, в которых движется мысль современных исследователей проблемы недостоверной информации и развиваются основные дискуссии по поводу бытования таких материалов в информационном пространстве, то, на наш взгляд, все они могут быть сведены к трем крупнейшим «проблемным узлам».

Во-первых, это попытки определения самого феномена фейка и вычленения его типологических разновидностей. Данному вопросу и сложностям, сопряженным с составлением точного тезауруса подобных исследований, посвящено множество работ, главным образом англоязычных, но в последние годы с увеличивающейся интенсивностью появляющихся и на русском языке тоже (подробный обзор определений феномена и типологий фейка см., например: Качкаева и др., 2021). Главные опорные пункты, на которых при этом сходятся большинство теоретиков, – проблематичность четкого определения понятия

[Научные статьи]

Шомова С. А.

От конспирологии до розыгрыша:
проблема мис- и дезинформации в пандемийном дискурсе

фейка (в связи с многочисленностью его разновидностей и «плавающими» характеристиками подобного контента) и принципиальная важность фиксации недостоверных материалов и борьбы с ними.

Следует понимать, что большинство ученых в англоязычном дискурсе разграничивают три понятия: *misinformation* (мисинформация – точного аналога этому понятию в русском языке нет), *disinformation* (дезинформация) и *fake* (фейк). Хотя разграничения мис- и дезинформации в разных работах отличаются нюансами (см. об этом, например: Farkas & Schou, 2018), наиболее операциональным, на наш взгляд, является подход, предполагающий, что в случае с мисинформацией люди зачастую передают сообщение дальше, не зная, что оно не является истинным (искренне заблуждаясь). Процесс же дезинформации – это намеренное введение других в заблуждение, и в этом его принципиальное отличие (подробнее см.: Ohio University MPA). И мис-, и дезинформация могут приобрести форму распространяющихся со скоростью лесного пожара фейков (фейковых новостей), масштабируемых новыми медиа, если люди начинают делиться ими ради сенсации или интереса. При этом сами фейки могут аккумулировать в себе самые разные виды недостоверной информации: городские легенды, слухи, сплетни, сфабрикованный контент и пропагандистские материалы, неточную интерпретацию данных/фактов, сатирические или пародийные сообщения, конспирологические теории и псевдонаучный контент и т. д. (разные подходы к разграничению данных явлений и типологизации фейка см., например, в работах: Gelfert, 2018; Guadagno & Guttieri, 2019; Harsin, 2018; Steinberg, 2017; Tandoc et al., 2017; Zaryan, 2017 и др.).

Интересно также, что К. Уордл, одна из основательниц некоммерческого проекта First Draft News (их наглядная табличка с типами фейков получила большое распространение), объединяет мис- и дезинформацию в единое «пространство недостоверности», выделяя 7 общих для обеих категорий видов – от наиболее вредоносных, таких как специально сфабрикованный контент или вводящий в заблуждение контекст, до наименее пагубных – сатиры или пародии (см. об этом: Bakir & McStay, 2017, p. 1). Заметим, что попытки разобраться с понятием фейка и его типологией – это не праздный интерес сугубых академистов: дело в том, что отсутствие единых подходов к пониманию сути феномена и определению понятия фейка затрудняет объединение усилий в борьбе с распространением недостоверной информации и делает дальнейшее масштабирование проблемы фейковых новостей практически неизбежным. Поэтому данной проблематике и уделяется столько внимания.

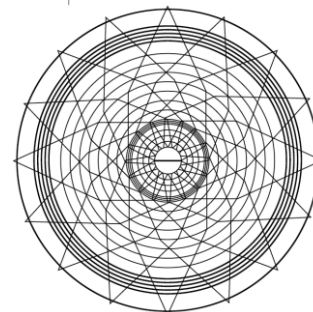
Второй «проблемный узел», связанный с исследованиями феномена фейковых новостей, – это отсутствие единого подхода к выстраиванию системы характеристик потенциально недостоверной информации: от самых общих признаков того, что «с текстом что-то не так» (при этом под текстом могут, разумеется, пониматься как его вербальные разновидности, так и видеоматериалы, аудиозаписи, различные мультимедийные форматы и т. д.), до конкретных смысловых, лексических, лингвистических и иных маркеров,

[Научные статьи]

Шомова С. А.

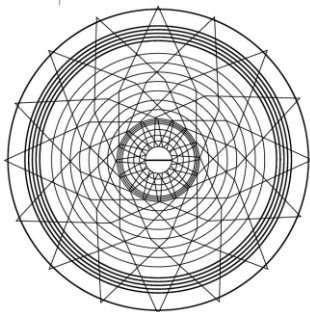
От конспирологии до розыгрыша:

проблема мис- и дезинформации в пандемийном дискурсе

указывающих на сомнительность сообщения и необходимость его дополнительной верификации. Попытки составить стройные классификации подобных маркеров предпринимаются и отечественными учеными – в эти списки включаются, например, отсутствие в сообщении конкретных фактов и имен, эксплуатация сильных эмоций (гнев, страх и пр.), использование ярлыков и т. д. (см., например: Стернин и Шестерина, 2020). Однако более активно данная проблематика разрабатывается в англоязычных академических источниках. Важно, что осмысление характеристик, свидетельствующих о потенциальной недостоверности текста, часто идет в таких работах рука об руку с описанием приемов, которыми искомая «фейковость» достигается. Некоторые авторы напрямую увязывают механизмы создания фейков и сопутствующие им маркеры с известными приемами манипуляции (см.: Fedorov & Levitskaya, 2020); другие пытаются разделить инструменты и признаки недостоверной информации в зависимости от сферы, где фейк создается/распространяется, – в маркетинге, рекламе, социальном взаимодействии и т. д. (например: Varieties of Fake News and Misrepresentation, 2019); третьи предлагают обращать внимание не только на характеристики контента, смысловые и нарративные маркеры, но и на лингвистические особенности текста: с их точки зрения, на фейковый характер сообщения могут указывать, например, большое количество заглавных букв или слов, выделенных капслоком, наличие неоправданных и многочисленных восклицательных знаков, неформальная лексика и сленг и т. д. (Damstra et al., 2021).

Наконец, третья сфера выраженного интереса теоретиков и практиков – это разработка методов борьбы с фейковыми новостями, к которым можно отнести работы по различным аспектам медиаграмотности, научному обоснованию и осмыслению методов фактчекинга, а также – наиболее активно развивающийся сегмент – описание различных моделей выявления и маркировки недостоверных сообщений, вплоть до создания современных алгоритмов и специальных компьютерных программ, помечающих «сомнительные» тексты и их фрагменты (обзор существующих уязвимостей и стратегий борьбы с дезинформацией см., например: Caled & Silva, 2022). Усилия для выявления/регулирования фейкового контента с различной степенью эффективности предпринимаются как государственными и межгосударственными (в частности, российскими и европейскими) структурами, так и индустриальными «игроками» на поле медиа – образовательными учреждениями, крупнейшими платформами микроблогов, социальными сетями, интернет-гигантами. Так, например, в «Правилах Twitter» отдельный параграф посвящен подлинности распространяемой на платформе информации, и особое внимание в нем уделяется политике в отношении манипуляции платформой и спама (Twitter, 2020), а YouTube имеет проработанную политику в отношении публикуемых данных и выделяет типы контента, которые могут быть заблокированы или удалены. Одна из таких категорий контента – «Спам, ложные метаданные и мошенничество», куда попадают различные виды информации – скажем, фальсификация данных (YouTube, 2020).

[Научные статьи]

Шомова С. А.

*От конспирологии до розыгрыша:
проблема мис- и дезинформации в пандемийном дискурсе*

Активно содействуют развитию критического мышления и фактчекинговых навыков различные сервисы и руководства, предлагаемые вузами и профильными интернет-ресурсами. Это и mediamanipulation.org с большим количеством разных кейсов и полезных определений, и уже упомянутые First Draft News, и Институт Пойнтера (их Международная сеть проверки фактов не только организует конференции, отслеживает форматы и тенденции развития фейковых новостей, но и обеспечивает обучение онлайн), и другие ресурсы (см. об этом подробнее: Качкаева и др., 2021). Все более важную роль начинают играть и специальные компьютерные программы, выполняющие инструментальные фактчекинговые роли и «помечающие» сомнительные тексты или их фрагменты (см: Dimitrov et al., 2021; Shu et al., 2018 и др.). Здесь следует подчеркнуть, что многие исследователи и практики из медиаиндустрии, занимающиеся факт отмечают *ограниченную* способность алгоритмов с точностью интерпретировать недостоверный, манипулятивный или пропагандистский контент – фактчекинговая работа зачастую проводится вручную, алгоритмы, скорее, лишь предлагают обратить внимание на «сомнительный» фрагмент материала.

Разумеется, фейки как коммуникативный феномен рассматриваются и обсуждаются и в рамках постановки иных исследовательских вопросов – например, когнитивных искажений как причины их возникновения (Bermúdez, 2018; Fairfield, 2018 и др.), механизмов их распространения – «спусковых крючков» фейка (Петров и др., 2020, с. 82–83) и т. д. Нам важнее всего зафиксировать: а) глобальную важность осмысления природы фейка и факторов его влияния на аудиторию («распространение фейков является серьезной проблемой, поскольку влечет за собой эпистемологические и практические риски: когда люди принимают важные решения относительно своей жизни (например, здоровья, финансов, образования или управления), опираясь на неверные взгляды, это приводит к различным негативным последствиям (например, болезням, банкротству, невежеству или плохому управлению)» (Vamanci, 2019, p. 197) и б) иллюзорность – по крайней мере, на сегодняшний день – «полной и окончательной победы» над недостоверной информацией в силу сложности и многослойности самого феномена (во всяком случае, надеяться только на медиаграмотность и критическое мышление потребителя информации пока нельзя – см., например: Buckingham, 2017). Однако это не означает тщетности прикладываемых усилий, которые становятся особенно актуальными в момент кризисных ситуаций и социальных потрясений.

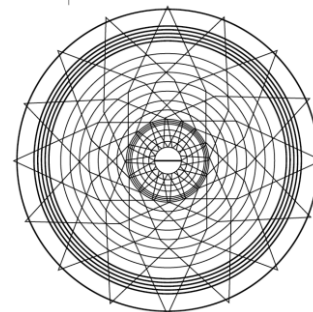
Одной из таких кризисных ситуаций, особенно ярко «подсветившей» важность определения сущности и разновидностей мис- и дезинформации в информационном пространстве и поисков методов контроля над ними, стала пандемия COVID-19. «Проснувшись однажды» в условиях неопределенности и резкого слома социальных поведенческих стереотипов (локдауны, обязательная вакцинация, новые методы цифрового контроля и т. д.), общество во всех странах оказалось практически беззащитным перед лавиной дезинформации – инфодемией, по выражению ВОЗ (этот термин начал использоваться для

[Научные статьи]

Шомова С. А.

От конспирологии до розыгрыша:

проблема мис- и дезинформации в пандемийном дискурсе

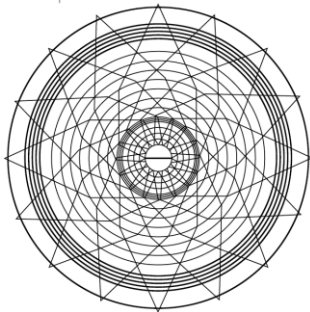

обозначения массива недостоверного контента, связанного с COVID-19, уже в первых числах февраля 2020 года).

Академическая среда достаточно быстро отреагировала на ситуацию многочисленными исследованиями как изменившейся в целом социальной повседневности (см., например: Социология пандемии, 2021), так и непосредственно «ковидных фейков» (Brennen et al., 2020; Mihailidis, 2023; Musi et al., 2022 и др.). В отечественной науке особенно пристальное внимание уделяется слухам и нарративам инфодемии (Архипова, 2020; Архипова и Радченко, 2020 и др.). В нашем собственном исследовании 2020–2022 годов нас больше всего интересовала возможная типологизация фейков в пандемийном дискурсе не только с точки зрения их *семантического анализа*, но и с точки зрения тех *эмоциональных и психологических механизмов*, которые вызывают их к жизни. На наш взгляд, фейки часто эксплуатируют политические, экономические, этнические, расовые, гендерные противоречия, уже имеющиеся в обществе, или же транслируют социальные (в том числе медицинские) мифы. Соглашаясь (в определенной степени) с тем, что фейки – это своего рода «усилители того, что уже было записано в индивидуальном и массовом сознании до их появления» (Почепцов, 2018), которые часто опираются на то, что любит или чего боится человек, на его мечты, обиды на мир и т. д. (там же), мы исходили из *предположения*, что наиболее частым по тиражированию окажется недостоверный контент, вызывающий эмоциональное напряжение, страх, а также позволяющий (пусть иллюзорно) от этих эмоций освободиться («обмен слухами, фейками, конспирологическими теориями усиливается, если рассказчик испытывает стресс и пониженное чувство контроля над своей жизнью» (Петров и др., 2020, с. 82]) На той *эмпирической базе*, которая была положена в основу исследования (*контент социальных сетей и мессенджеров*), эта гипотеза в целом подтвердилась: наиболее частотными оказались фейки «ужасающего» и конспирологического содержания, а также «экспертные» фейки, в семантической основе которых лежит недостоверное «экспертное» (научное или медицинское) знание, создающее иллюзию возможного контроля над пугающим «новым врагом» – вирусом и вызванным им заболеванием. Однако нам встретилось и немало фейков, связанных с мгновенным откликом на актуальную новостную повестку дня, с сатирическим, пародийным ее осмыслением (не дезинформация, а мисинформация) и т. д.

Рассмотрим некоторые примеры названных типов недостоверного контента в пандемийном дискурсе Рунета.

Первый тип фейка, на который нам хотелось бы обратить внимание в контексте ковидной тематики, – это *фейк-пугало*. Поскольку пандемия и неизвестный доселе вирус оказались витальной угрозой для человеческого сообщества, естественной реакцией на любую негативную информацию стали фейки, еще более усиливающие («на всякий случай») степень опасности и провоцирующие желание/необходимость предупредить об этой опасности близких. У одних людей повышенная тревожность привела к ковид-скептицизму и ковид-диссидентству как

[Научные статьи]

Шомова С. А.

*От конспирологии до розыгрыша:
проблема мис- и дезинформации в пандемийном дискурсе*

естественной защитной реакции отрицания – и на усложнившуюся повседневность, и на попытки государства ограничить свободы социума (см., например: Исупова и др., 2021). У других же – к поиску преувеличенных, иногда панических, но создающих ощущение адаптации к новой реальности («подстилаем соломку заранее») деталей и нарративов происходящего. Неслучайно слухи, городские легенды и прочие сопредельные с фейками коммуникативные феномены рассматриваются многими социологами, антропологами, фольклористами как «своего рода символический “язык”, с помощью которого группа “проговаривает” свои страхи и тем самым снижает уровень тревоги» (Архипова и др., 2020, с. 238).

«Леночка, добрый вечер, у меня не очень хорошие новости...» – так начиналось фейковое голосовое сообщение, распространявшееся в мессенджере WhatsApp в первые дни марта 2020 года (о его высокой виральности и большом охвате аудитории сообщали различные городские порталы и интернет-сообщества – от Москвы до Биробиджана). Приятный, но напряженный женский голос с почти интимной интонацией, на пониженной громкости сообщал о том, что в Москве уже 20 тысяч заболевших коронавирусом и тысячи умерших, завтра магазины наверняка окажутся пустыми и все это, конечно, скрывается властями, а ситуация развивается почти как в Италии... Напомним, что в это время эпидемия только пришла в Россию, заболеваемость оставалась еще на достаточно низком уровне (ни о каких 20 тысячах умерших пока и речи не шло, конечно), однако – действительно – шоковая информация из той же Италии и подогреваемые неизвестностью панические настроения провоцировали слухи, инспирированные не только стремлением «проговорить внутренние страхи», но и обычным для россиян недоверием к официальной информации («наверняка заболевших и умерших много, от нас это просто скрывают»). Привлекательность данного аудиофейка усиливали не только вербальные манипулятивные приемы (преамбула «очень хочется уберечь дорогих мне людей», просьба «распространить информацию максимально» и т. д.), но и паравербальные характеристики сообщения: доверительная тональность (так разговаривают с самыми близкими людьми, которых не станут обманывать), гневное повышение голоса в «нужных» местах, обманчивая «секретность» и навязываемое слушателю впечатление, что он является получателем эксклюзивного знания.

Другие фейковые «страшилки» 2020 года – это повторяющиеся слухи о грядущем дефиците товаров (традиционно: гречка, сахар и прочее), эксплуатирующие генетический страх россиян перед пустыми полками магазинов; сообщения о мошенничествах, которые на самом деле не были зарегистрированы («Внимание! По домам ходят люди! В мед и хим костюмах! Говорят, “что в вашем доме зафиксирован случай заражения коронавирусом, происходит дезинфекция квартир!” Заходят в квартиру, усыпляют газом и выносят все из квартиры. Будьте бдительны!..» – *орфография и пунктуация сохранены*), и т. д.

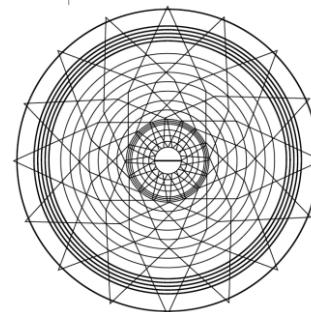
Позже, в 2021 году, усталость от ограничений оказалась «спусковым крючком» для нового фейка-пугала: в медицинских масках якобы находили «опасных

[Научные статьи]

Шомова С. А.

От конспирологии до розыгрыша:

проблема мис- и дезинформации в пандемийном дискурсе

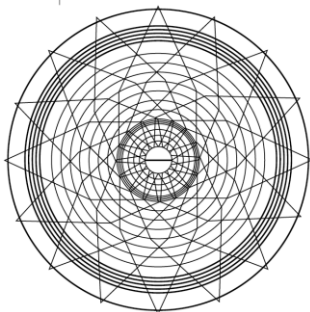
червей». На видео, получивших вирусное распространение в Telegram и WhatsApp, люди рассматривали маски под микроскопом и указывали на черные «шевелиющиеся» волокна. Пользователи социальных сетей откликались комментариями: «То-то мне всегда было подозрительно, что они так заставляют их носить! Все, что принудительно – это неспроста», «Ребята шейте маски сами» (*орфография и пунктуация сохранены*). Вирусная эффективность этого фейка была так высока, что его дезавуированию посвятили свои разборы многие фактчекинговые ресурсы в различных странах мира¹.

Второй тип дезинформационного контента, обнаруживающийся в многочисленных вариациях в русскоязычном секторе социальных сетей и мессенджеров, – это фейки, которые можно назвать *конспирологическими*. В самом простом смысле конспирологическое мышление можно определить как склонность объяснять сложные мировые процессы и события как результат заговора заинтересованных и влиятельных групп со ссылкой на скрываемую ими секретную информацию (Imhoff & Bruder, 2014). Психологическая привлекательность таких верований заключается в том, что, как отмечают специалисты, «теории заговора помогают людям защищать хрупкое эго, преувеличивая важность самих себя и своих групп; теории заговора заставляют людей чувствовать себя законными действующими лицами, рационализируя их убеждения и поведение, а вера в теории заговора развлекает людей, делая их активными участниками захватывающей сказки» (van Prooijen, 2022).

Конспирологическому мышлению и теориям заговора, в том числе в контексте пандемии COVID-19, посвящено немало работ (см., например: Ahmed et al., 2020; Jovančević & Milićević, 2020; Яблоков, 2020 и др.). «На фоне пандемии COVID-19 популярность конспирологических теорий, равно как и внимание исследователей к этой проблеме, только увеличивается. Возникновение вируса связывается с вышками 5G, интересами различных стран (США, Китая), групп интересов (фармакологические компании), отдельных людей (Билл Гейтс). Можно предположить, что значительная часть человечества верит в какие-либо теории заговора», – утверждают отечественные исследователи (Казун и Поршневу, 2021, с. 552).

Говоря о конспирологическом мышлении в пандемическом дискурсе, хотелось бы прежде всего обратить внимание на склонность социума к поиску врага: сражаясь с врагом биологическим, властные структуры, медицинские организации, общество в целом пытались так или иначе обнаружить и заклеить любого другого врага, «ответственного» за все горести эпидемии. Как результат – динамическое развитие «языка вражды» и в информационном онлайн-

¹ См., например: Бочарова, М. и Банников, П. (2021, 30 марта). Фейк: в медицинских масках обнаружены черви (наночастицы). Фактчек КЗ. <https://factcheck.kz/claim-checking/verdict/fejk-v-medicinskix-maskax-obnaruzheny-chervi-nanochasticy/>

[Научные статьи]

Шомова С. А.

*От конспирологии до розыгрыша:
проблема мис- и дезинформации в пандемийном дискурсе*

пространстве, и в риторике чиновников, и в городских слухах²... Главный враг, конечно, вирус, но «виноваты еще многие». Например, «шашлычники» – неологизм, появившийся в публичных выступлениях властей предержащих весной 2020 года и перекочевавший позже в блоги и социальные сети: «Пока весь мир учится жить самоизолированно, нашлись особо бессознательные граждане, которые обрадовались внеплановым выходным и начали отдыхать на всю катушку... Они – это симптом общественной глупости, безответственности и фирменного русского пофигизма... Манкируя изоляцией, “шашлычники” ставят под угрозу не только себя любимых, но и окружающих»³.

Помимо «шашлычников», в какой-то момент виновными в развитии эпидемии объявляли туристов, почему-то раскатывающих по заграницам (вспомним выступление Собянина о тех, кто привез нам «чемодан вирусов» из своих Куршевелей⁴), москвичей, «разносящих заразу» (популярный фейковый слух апреля-мая 2020 года в соседних с Москвой регионах – Иванове, Костроме, Владимире и т. д.: «наших уже класть некуда в больницы, потому что навезли нам больных москвичей и они все места заняли»), и пр.

Однако, конечно, более опасными, нежели поиски «главного врага», с точки зрения социальных последствий были конспирологические фейки, связанные с антивакцинным дискурсом. Среди них, например, оказались теории о том, что вакцинированные могут передавать непривитым воздушно-капельным путем спайк-белки, которые вызовут в организме серьезные побочные эффекты, в том числе бесплодие и выкидыши (преждевременные роды). Эта гипотеза по своей логике входила в более масштабную теорию заговора о том, что COVID-19 создали с целью справиться с проблемой перенаселения и что вакцины смогут «проредить» массы людей. Об этом фейке конспирологического характера, а также о том, что эксперты, например, опрошенные Reuters⁵, утверждают, что это «биологически невозможно», что эта теория родилась из «фундаментального непонимания» того, как работают вакцины, писало весной 2021 года интернет-издание Republic⁶.

Иногда конспирологические теории охватывают целые страны и континенты. Так, осенью 2020 года было опубликовано официальное письмо 15 стран Европы в адрес Еврокомиссии с просьбой придумать, наконец, как победить

² Особый «ковидный словарь» анализировали многие издания, в том числе, например, Republic (организация, признанная иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента). См.: <https://republic.ru/posts/96665>

³ Офисный крыс (2020, 18 апреля). Шашлычники как опасный симптом. Яндекс Дзен. <https://zen.ru/a/XpqfXYjtuE5gv23Z>

⁴ См. об этом, например: Собянин рассказал о «чемодане вирусов» из Куршевеля (2020, 25 марта). РИА новости. <https://ria.ru/20200325/1569156183.html>

⁵ См. их фактчекинг-разбор этой теории от 23.04.2021: <https://www.reuters.com/article/factcheck-covid19vaccine-reproductivepro-idUSL1N2MG256>.

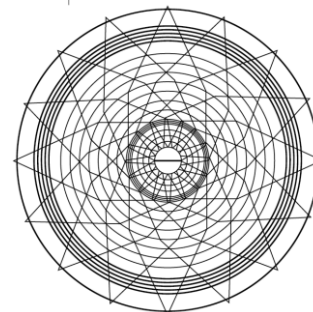
⁶ Шлянцев, Д. (2021, 12 мая). Новая теория заговора заставит антимасочников носить маски. И блюсти социальную дистанцию – чтобы защитить себя от вакцинированных. Republic. <https://republic.ru/posts/100377>

[Научные статьи]

Шомова С. А.

От конспирологии до розыгрыша:

проблема мис- и дезинформации в пандемийном дискурсе

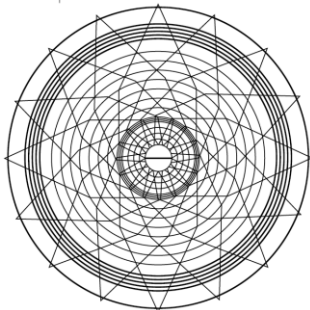
коронавирусную 5G-конспирологию. Письмо призывало исполнительную власть ЕС запустить коммуникационную стратегию для рассмотрения волны теорий заговора в Европе, которые привели к поджогам телекоммуникационных мачт⁷. Оказывается, только в период с января по июнь 2020 года телекоммуникационные компании 140 раз сообщили о поджогах и других атаках вандалов на вышки 5G в Европе, преимущественно в Нидерландах и Великобритании. С тех пор ситуация стала только хуже.

Острое чувство тревожности и нехватка точного знания о том, как вести себя в условиях пандемии, вызвавшие к жизни множество «теорий заговора», породили большой спрос и на информацию, связанную с экспертным – особенно медицинским – контентом. *Третий тип* недостоверной информации, на который следует обратить внимание в контексте пандемии COVID-19, – это фейки, которые мы предлагаем обозначить как «экспертные». Возникая в ответ на запрос общества по поводу наиболее витальных его потребностей – здоровья и самой жизни, эти фейки, с одной стороны, обозначили непроговариваемые страхи людей, касающиеся их физической безопасности, с другой – «подсветили» критические вопросы общей малой медицинской грамотности населения и неумения отличать подлинное экспертное знание от фальшивого, с третьей – в очередной раз обнажили проблему недоверия российской аудитории к официальным источникам информации.

Одну из ведущих ролей в данном сегменте недостоверной информации в пространстве Рунета играет псевдомедицинский контент – «советы по защите от заражения либо купированию имеющихся симптомов, а также лечению в домашних условиях. Как правило, тексты этой группы ссылаются на некоторую инсайдерскую информацию в области медицины, часто без указания автора. Примерами подобных новостей являются известные «советы» от «молодого врача Юры Климова, работающего в Ухани», «известных израильских врачей», etc.» (Петров и др. 2020, с. 81). Упомянутого «Юру из Ухани» вообще можно считать одним из главных «фольклорных героев» начала пандемии: запись, где «молодой врач из РФ, [который] работает в больнице Шэньчжэня, переведен на изучение вируса пневмонии в Ухань», дает советы, как поставить самому себе диагноз («Если у вас насморк и мокрота при простуде, вы не можете быть носителем коронавирусной инфекции»), как заниматься профилактикой («Пейте больше горячей воды»), и описывает особенности течения болезни («Заложенность носа не похожа на нормальную заложенность, появляется ощущение, что тонете в воде»), разошлась в русском сегменте Facebook⁸ еще в конце февраля. Советы Юры были

⁷ См. об этом: Stolton S. (2020, October 19). Fifteen EU countries raise alarm on Europe's 'anti-5G movement'. Euractiv. <https://www.euractiv.com/section/digital/news/fifteen-eu-countries-raise-alarm-on-europes-anti-5g-movement/>

⁸ Деятельность социальной сети признана экстремистской и запрещена на территории РФ, данные здесь и далее используются в исследовательских целях и не направлены на одобрение экстремистской деятельности.

[Научные статьи]

Шомова С. А.

*От конспирологии до розыгрыша:
проблема мис- и дезинформации в пандемийном дискурсе*

просты и наивны (хотя и звучали очень «успокаивающе» и, несомненно, исполняли свою психотерапевтическую миссию), однако при этом содержали различные наукообразные рассуждения (про «диаметр ячейки вируса в 400–500 нанометров» и т. д.) и потому в достаточной степени напоминали рекомендации «настоящего эксперта», чтобы им могли поверить люди, не имеющие медицинского диплома.

Еще чаще «экспертные» высказывания приписываются не «рядовым врачам, которые знают, как надо», а обладателям громких имен и регалий (реальным или вымышленным). При этом подобные фейки иногда оказывают свое воздействие даже на лиц, казалось бы, хорошо знакомых с механизмами функционирования медиа. Так, например, в телеграм-канале А. Венедиктова⁹, многолетнего бессменного главного редактора радиостанции «Эхо Москвы», 27 апреля 2020 года появился следующий пост: «Профессор Тасуко Хондзё, нобелевский лауреат, заявил о том, что природа происхождения коронавируса искусственна, то есть создана человеком. Он связал это с темпами распространения инфекции, а также с возможностью адаптации вируса к различным температурным перепадам, что не заложено природой. Он долго работал в лаборатории в Ухане, знал поименно всех ученых этой лаборатории. Спустя 3 месяца после этих событий номера телефонов всех сотрудников заблокированы, а они сами не выходят на связь. Он считает, что их ликвидировали. Профессор готов отказаться от своей Нобелевской премии, если Китай сможет доказать обратную природу происхождения этого вируса».

Следует отметить, что А. Венедиктов быстро сориентировался в ситуации и почти мгновенно удалил ложный контент, а канал «Беспощадный Пиарщик», указав на фейковый характер этой вирусной новости, дал ссылку на детальный процесс фактчекинга этого сообщения, проведенного одним из зарубежных ресурсов¹⁰. В данном поэтапном разборе указывалось, что: 1) Тасуко Хондзё никогда не делал таких заявлений (Alt News выполнили поиск по ключевым словам в Google и не нашли никаких сообщений, которые позволили бы утверждать, что Хондзё что-то говорил об искусственном происхождении вируса. Если бы нобелевский лауреат по медицине сделал такое заявление, это было бы во всех новостях. Однако это не так); 2) Тасуко Хондзё не работал в лаборатории Ухань в течение четырех лет (согласно данным веб-сайта Института перспективных исследований Киотского университета (KUIAS), Хондзё является заместителем генерального директора университета. На сайте KUIAS приводится подробная биография Хондзё, начиная с 1966 года, и не упоминается, что он работал в Ухане в течение четырех лет) и т. д.¹¹ «Власть экспертизы» и уважение к громкому имени (нобелевский лауреат!) повысили вирулентность данного фейка, однако внимание к деталям и развитое

⁹ Признан иностранным агентом.

¹⁰ См.: False quote suggests Japanese Nobel laureate Tasuku Honjo said coronavirus is man-made. <https://www.altnews.in/false-quote-suggests-japanese-nobel-laureate-tasuku-honjo-said-coronavirus-is-man-made/>

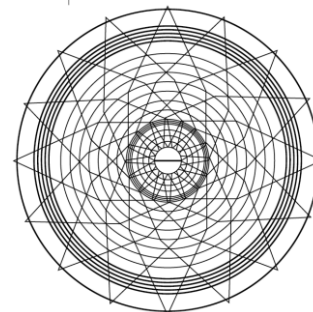
¹¹ Там же.

[Научные статьи]

Шомова С. А.

От конспирологии до розыгрыша:

проблема мис- и дезинформации в пандемийном дискурсе

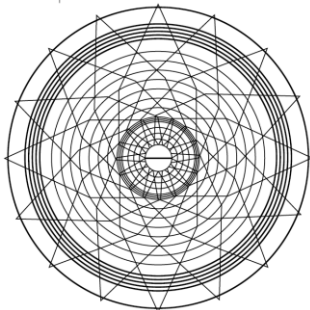

критическое мышление помогают заподозрить дезинформацию в подобного рода контенте.

Итак, основными тремя типами фейковой информации в пандемийном дискурсе (на основе изученного нами эмпирического материала и исходя из семантического анализа корпуса рассмотренных текстов) мы предложили бы считать фейки-«пугало», конспирологические фейки и фейки, в основе которых лежит псевдоэкспертное знание. Рассмотренные нами три типа фейков коронавирусной тематики могут быть достаточно опасны для ментального благополучия социума. Они способны (в силу своей семантики, психологической аттрактивности и иллюзии подлинности) подогревать панические настроения, активизировать конспирологические фобии, исказить реальную научную картину мира, провоцировать «отложенное» обращение к врачам и лечение серьезного заболевания неподходящими средствами и т. д. Однако в структуре пандемийного дискурса информационного пространства России можно обнаружить и более «невинные» типы недостоверного контента, которые следует отнести скорее к мис-, а не дезинформации. Это могут быть, например, сатирические посты, пародийные материалы, первоапрельские шутки, сообщения, целью которых является розыгрыш, и т. д. Типичный пример такого рода фейка, который можно назвать *ассоциативно-развлекательным*, – быстро завирусившееся весной 2020 года в сети Интернет стихотворение, приписываемое А. С. Пушкину. В нем поэт, как писали в сопровождении к посту, якобы «находясь на карантине по поводу холеры в Болдино, обращается к нам сегодняшним!!!» (не могу не упомянуть здесь, что наличие большого числа восклицательных знаков и некоторые другие пунктуационные и грамматические особенности текста могут с высокой долей вероятности указывать именно на фейковый характер сообщения).

Под обаяние этого фальшиво-пушкинского текста (атрибутирование было, конечно, ошибочным) попали даже некоторые педагоги – стихотворение мелькало не только в мессенджерах и социальных сетях, но и на некоторых сайтах образовательных учреждений. Вот его начало:

*Позвольте, жители страны,
В часы душевного мученья
Поздравить вас из заточенья
С великим праздником весны!
Все утрясется, все пройдет,
Уйдут печали и тревоги,
Вновь станут гладкими дороги
И сад, как прежде, зацветет...
На помощь разум призовем,
Сметем болезнь силой знаний
И дни тяжелых испытаний
Одной семьей переживем...*

[Научные статьи]

Шомова С. А.

*От конспирологии до розыгрыша:
проблема мис- и дезинформации в пандемийном дискурсе*

Помимо ощутимо «непушкинского» стиля, на помощь внимательному читателю в определении фейкового характера контента, конечно, должны были бы прийти и простая логика, и знание биографии поэта: карантин в Болдино поэт переживал осенью (отсюда термин «болдинская осень»), а здесь речь идет о весне... Несостыковки в тексте быстро заметили как академические исследователи и профессиональные фактчекеры (например, Илья Бер¹²), так и российские средства массовой информации¹³. Настоящим автором оказался поэт и блогер из Казахстана Урри Грим, поздравлявший своих подписчиков с весенним праздником Навруз. Одна из его почитательниц в шутку разместила стихотворение в чате однокурсников, указав автором Пушкина. И хотя буквально через несколько минут она призналась в розыгрыше, ее пост успел «уйти в народ», результатом чего стали десятки тысяч репостов в Сети и один из самых популярных фейков коронавирусного дискурса Рунета.

Разумеется, в рамках одной академической статьи невозможно охватить все разнообразие типов мис- и дезинформации коронавирусной тематики в Рунете. В наши задачи не входило составление исчерпывающей типологии такого рода фейков – тем более что, на наш взгляд, любая подобная типология является открытой системой, пополняющейся новыми опциями по мере развития технологий и инструментов создания недостоверного контента. Однако хотелось бы надеяться, что некоторые дополнительные векторы для размышлений в этом направлении наши исследовательские поиски способны дать. Чем больше мы знаем о сути и разновидностях феномена фейковых новостей, тем больше надежды на то, что наш глаз научится фиксировать видимые маркеры подобного рода сообщений, а наше критическое мышление – понимать механизмы и цели воздействия дезинформации на сетевую аудиторию.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья создана в рамках проекта «Трансформация картины мира в глобальном информационном онлайн-пространстве под влиянием эпидемии КОВИД-19», поддержанного факультетом креативных индустрий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

БИБЛИОГРАФИЯ

Архипова, А. С. (2020). Чем (не)опасна инфодемия: как и зачем исследуют фейковые сообщения и слухи во время пандемии. Фольклор и антропология города, III(1–2), 190–202.

¹² Признан иностранным агентом. См. об этом: Правда ли, что Пушкин написал стихотворение про карантин (2020). <https://provereno.media/2020/11/23/pravda-li-cto-pushkin-napisal-stihotvorenie-pro-karantin/>

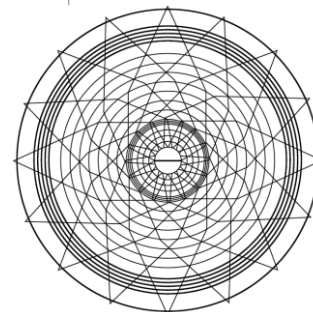
¹³ Черных Е. (2020, 26 марта). «Комсомолка» нашла настоящего автора нашумевшего стихотворения Пушкина «Позвольте, жители страны!». <https://www.kp.ru/daily/27109.4/4184623/>

[Научные статьи]

Шомова С. А.

От конспирологии до розыгрыша:

проблема мис- и дезинформации в пандемийном дискурсе

Архипова, А. С., Радченко, Д. А., Козлова, И. В., Пейгин, Б. С., Гаврилова, М. В., Петров, Н. В. (2020). Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, (6), 231–265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>

Исупова, О. Г., Рождественская, Е. Ю., Лагерева, А. Е. (2021). Ковидный ресентимент в социальных сетях: репертуар мотивированных суждений. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, (5), 374–398. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.2004>

Казун, А. Д., Поршнева, А. В. (2021). Кто верит в теории заговора? Факторы склонности к конспирологическому мышлению в России, Казахстане и Украине. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, (6), 549–565. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1889>

Качкаева, А. Г., Шомова, С. А., Душакова, И. С. (2021). Фейк: от академических дискуссий к практическим решениям. Коммуникации. Медиа. Дизайн, 6(2), 5–32. <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/12600>

Петров, Н., Архипова, А., Спиридонов, В., Пейгин, Б. (2020). Инфодемия: существующие подходы к анализу паник, фобий, слухов, фейков во время эпидемий и предложения по борьбе с ними. Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития, 8(110), 80–87.

Почепцов, Г. (2019). Фейки как информационно-виртуальный объект. https://repository.mdu.in.ua/jspui/bitstream/123456789/1081/1/pr_vch_Vip.21_2019.pdf

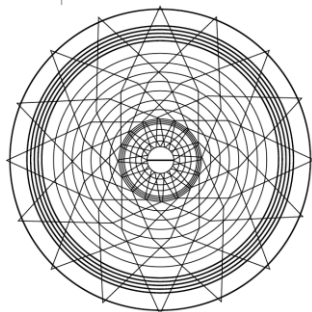
Социология пандемии. Проект КоронаФОМ (2021). Рук. авт. коллектива А. А. Ослон. Институт Фонда Общественное Мнение. https://media.fom.ru/fom-static/%D0%A4%D0%9E%D0%9C%20-%202021%20-%20%D0%9A%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0%20-%20%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F%20%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%B8_%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%20%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%A4%D0%9E%D0%9C.pdf

Стернин, И. А., Шестерина, А. М. (2020). Маркеры фейка в медиатекстах. ООО «РИТМ».

Яблоков, И. (2020). Русская культура заговора. Конспирологические теории на постсоветском пространстве. Альпина нон-фикшн.

Ahmed, W., Vidal-Alaball, J., Downing, J., Lopez Seguí, F. (2020). COVID-19 and the 5G Conspiracy Theory: Social Network Analysis of Twitter Data. Journal of Medical Internet Research, 22(5). <https://doi.org/10.2196/19458>

Bakir, V., McStay, A. (2017). Fake news and the economy of emotions: problems, causes, solutions. Digital Journalism, 6(2), 1–22.

[Научные статьи]

Шомова С. А.

*От конспирологии до розыгрыша:
проблема мис- и дезинформации в пандемийном дискурсе*

Bermúdez, J. P. (2018). The Post-Truth temperament: What makes belief stray from evidence? And what can bring them back together? In C. G. Prado (Ed.), *America's Post-Truth Phenomenon: When Feelings and Opinions Trump Facts and Evidence* (pp. 87–109). CA: Praeger.

Brennen, J. S., Simon, F., Howard, P. N., Nielsen, R. K. (2020). Types, sources, and claims of COVID-19 misinformation. Reuters Institute. http://www.primaonline.it/wp-content/uploads/2020/04/COVID-19_reuters.pdf

Buckingham, D. (2017). Fake News: Is Media Literacy the Answer?
<https://davidbuckingham.net/2017/01/12/fakenews-is-media-literacy-the-answer/>

Caled, D., Silva, M. J. (2022). Digital media and misinformation: An outlook on multidisciplinary strategies against manipulation. *Journal of Computational Social Science* (5), 123–159.

Damstra, A., Boomgaarden, H. G., Broda, E., Lindgren, E., Strömbäck, J., Tsfaty, Y., Vliegenthart, R. (2021). What Does Fake Look Like? A Review of the Literature on Intentional Deception in the News and on Social Media. *Journalism Studies*, 22(14), 1947–1963. <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1461670X.2021.1979423#>

Dimitrov, D., Bin Ali, B., Shaar, Sh., Alam, F., Silvestri, F., Firooz, H., Nakov, P., Da San Martino, G. (2021). Detecting Propaganda Techniques in Memes. *Computer Science / Computer Vision and Pattern Recognition*. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2109.08013>

Fairfield, P. (2018). Lords of mendacity. In C. G. Prado (Ed.), *America's Post-Truth Phenomenon: When Feelings and Opinions Trump Facts and Evidence* (pp. 153-164). CA: Praeger

Farkas, J., Schou, J. (2018). Fake News as a Floating Signifier: Hegemony, Antagonism and the Politics of Falsehood. *Javnost – The Public*, 25(3), 298–314.

Fedorov, A., Levitskaya, A. (2020). Typology and Mechanisms of Media Manipulation. *International Journal of Media and Information Literacy*, 5(1), 69–78.

Gelfert, A. (2018). Fake News: A Definition. *Informal Logic*, 38(1), 84–117.

Guadagno, R. E., Guttieri, K. (2019). Fake News and Information Warfare: An Examination of the Political and Psychological Processes from the DigitalSphere to the Real World (Chapter 11). In E. Chilwa, S. A. Samoilenko (Eds.), *Handbook of Research on Deception, Fake News, and Misinformation Online* (pp. 167–191). IGI Global.

Harsin, J. (2018). *A Critical Guide to Fake News: From Comedy to Tragedy* (translated from «Un guide critique des fake news: de la comédie à la tragédie»). *Pouvoirs: Revue d'Etudes Constitutionnelles et Politiques*, 164(1), 99–119.

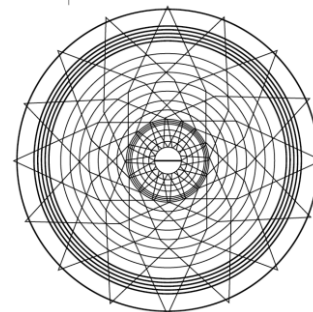
Imhoff, R., Bruder, M. (2014). Speaking (Un-)Truth to Power: Conspiracy Mentality as a Generalised Political Attitude. *European Journal of Personality*, 28(1), 25–43.
<https://doi.org/10.1002/per.1930>.

[Научные статьи]

Шомова С. А.

От конспирологии до розыгрыша:

проблема мис- и дезинформации в пандемийном дискурсе

Jovančević, A., Milićević, N. (2020). Optimism-Pessimism, Conspiracy Theories and General Trust as Factors Contributing to COVID-19 Related Behavior – A Cross-Cultural Study. *Personality and Individual Differences*, 167.

<https://doi.org/10.1016/j.j.paid.2020.110216>

Mihailidis, P. (2023). Civic Distance: Digital Culture's Intrusion on Trust, Engagement, and Belonging. In K. Fowler-Watt, J. McDougall (Eds), *The Palgrave Handbook of Media Misinformation*. Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-031-11976-7_1

Musi, E., Aloumpi, M., Carmi, E., Yates, S., O'Halloran, K. (2022). Developing Fake News Immunity: Fallacies as Misinformation Triggers During the Pandemic. *Online Journal of Communication and Media Technologies*, 12(3), Article No: e202217.

<https://doi.org/10.30935/ojcm/12083>

Ohio University MPA. Fake News, Misinformation, & Fact-Checking. OhioUniversity. <https://onlinemasters.ohio.edu/masters-public-administration/guide-to-misinformation-and-fact-checking/>

Shu, K., Mahudeswaran, D., Wang, S., Lee, D., Liu, H. (2018). FakeNewsNet: A Data Repository with News Content, Social Context and Spatialtemporal Information for Studying Fake News on Social Media. Cornell University.

<https://arxiv.org/abs/1809.01286>

Steinberg, L. (2017). Infographic: Beyond Fake News – 10 Types of Misleading News.

<https://eavi.eu/beyond-fake-news-10-types-misleading-info/>

Tandoc, E. C., Lim, Z. W., Ling, R. (2017). Defining “Fake News”: A typology of scholarly definitions. *Digital Journalism*, 6(3), 1–17.

Twitter (2020). Политика в отношении манипуляции платформой и спама.

<https://help.twitter.com/ru/rules-and-policies/platform-manipulation>

Vamanu, I. (2019). Fake News and Propaganda: A Critical Discourse Research Perspective. *Open Information Science*, 3(1), 197–208.

van Prooijen, J.-W. (2022). Psychological benefits of believing conspiracy theories. *Current Opinion in Psychology*, (47), October 2022, 101352.

<https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2022.101352>

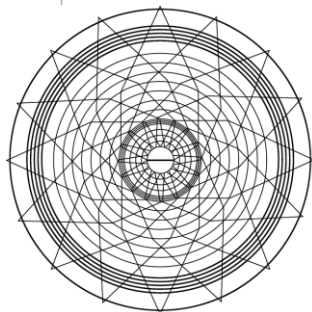
Varieties of Fake News and Misrepresentation (2019).

<https://www.laetusinpraesens.org/docs10s/fakenews.php>

Youtube (2020). Правила и безопасность.

<https://www.youtube.com/intl/ru/about/policies/#community-guidelines>

Zaryan, S. (2017). Truth and Trust: How Audiences Are Making Sense of Fake News. MSc Media and Communication, Lund University.

[Научные статьи]

Шомова С. А.

*От конспирологии до розыгрыша:
проблема мис- и дезинформации в пандемийном дискурсе*

THE PROBLEM OF MISINFORMATION AND DISINFORMATION IN COVID PANDEMIC DISCOURSE

Shomova S. A.

Doctor of Political Sciences,
Professor at the National Research University Higher
School of Economics
(Moscow, Russia)
sshomova@yandex.ru

Abstract:

Like any crisis, the Covid-19 pandemic has sharpened and "highlighted" many problematic nodes of communication interactions, including the problem of spreading inaccurate information in the information space. Coronavirus fakes are not only highly virulent, but also have a considerable effectiveness in influencing the audience. The article gives an overview of the main trends in the study of the phenomenon of misinformation and disinformation, examines the specifics of "coronavirus" fakes, and offers the author's typology of the main types of fake in the pandemic discourse of Runet.

Keywords: misinformation, disinformation, fake, COVID-19, Runet

ACKNOWLEDGMENT

The article was created as part of an academic partnership with Yandex. Zen platform, which launched a fact-checking program for materials published by its bloggers.

REFERENCES

Ahmed, W., Vidal-Alaball, J., Downing, J., Lopez Seguí, F. (2020). COVID-19 and the 5G Conspiracy Theory: Social Network Analysis of Twitter Data. *Journal of Medical Internet Research*, 22(5). <https://doi.org/10.2196/19458>

Arhipova, A. S. (2020). CHem (ne)опасна infodemiya: kak i zachem issleduyut fejkovye soobshcheniya i sluhi vo vremya pandemii. *Fol'klor i antropologiya goroda*, III(1–2), 190–202.

Arhipova, A. S., Radchenko, D. A., Kozlova, I. V., Pejgin, B. S., Gavrilova, M. V., Petrov, N. V. (2020). Puti rossijskoj infodemii: ot WhatsApp do Sledstvennogo komiteta. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, (6), 231–265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>

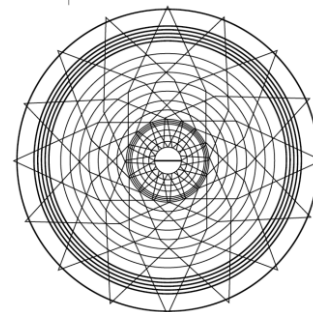
Bakir, V., McStay, A. (2017). Fake news and the economy of emotions: problems, causes, solutions. *Digital Journalism*, 6(2), 1–22.

[Научные статьи]

Шомова С. А.

От конспирологии до розыгрыша:

проблема мис- и дезинформации в пандемийном дискурсе

Bermúdez, J. P. (2018). The Post-Truth temperament: What makes belief stray from evidence? And what can bring them back together? In C. G. Prado (Ed.), *America's Post-Truth Phenomenon: When Feelings and Opinions Trump Facts and Evidence* (pp. 87–109). CA: Praeger.

Brennen, J. S., Simon, F., Howard, P. N., Nielsen, R. K. (2020). Types, sources, and claims of COVID-19 misinformation. Reuters Institute. http://www.primaonline.it/wp-content/uploads/2020/04/COVID-19_reuters.pdf

Buckingham, D. (2017). Fake News: Is Media Literacy the Answer? <https://davidbuckingham.net/2017/01/12/fakenews-is-media-literacy-the-answer/>

Caled, D., Silva, M. J. (2022). Digital media and misinformation: An outlook on multidisciplinary strategies against manipulation. *Journal of Computational Social Science* (5), 123–159.

Damstra, A., Boomgaarden, H. G., Broda, E., Lindgren, E., Strömbäck, J., Tsfaty, Y., Vliegenthart, R. (2021). What Does Fake Look Like? A Review of the Literature on Intentional Deception in the News and on Social Media. *Journalism Studies*, 22(14), 1947–1963. <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1461670X.2021.1979423#>

Dimitrov, D., Bin Ali, B., Shaar, Sh., Alam, F., Silvestri, F., Firooz, H., Nakov, P., Da San Martino, G. (2021). Detecting Propaganda Techniques in Memes. *Computer Science / Computer Vision and Pattern Recognition*. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2109.08013>

Fairfield, P. (2018). Lords of mendacity. In C. G. Prado (Ed.), *America's Post-Truth Phenomenon: When Feelings and Opinions Trump Facts and Evidence* (pp. 153-164). CA: Praeger

Farkas, J., Schou, J. (2018). Fake News as a Floating Signifier: Hegemony, Antagonism and the Politics of Falsehood. *Javnost – The Public*, 25(3), 298–314.

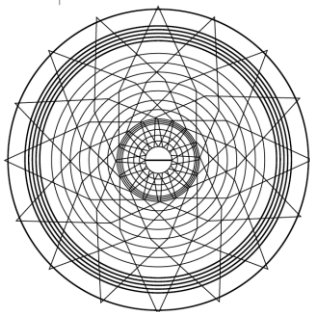
Fedorov, A., Levitskaya, A. (2020). Typology and Mechanisms of Media Manipulation. *International Journal of Media and Information Literacy*, 5(1), 69–78.

Gelfert, A. (2018). Fake News: A Definition. *Informal Logic*, 38(1), 84–117.

Guadagno, R. E., Guttieri, K. (2019). Fake News and Information Warfare: An Examination of the Political and Psychological Processes from the DigitalSphere to the Real World (Chapter 11). In E. Chilwa, S. A. Samoilenko (Eds.), *Handbook of Research on Deception, Fake News, and Misinformation Online* (pp. 167–191). IGI Global.

Harsin, J. (2018). *A Critical Guide to Fake News: From Comedy to Tragedy* (translated from «Un guide critique des fake news: de la comédie à la tragédie»). *Pouvoirs: Revue d'Etudes Constitutionnelles et Politiques*, 164(1), 99–119.

Imhoff, R., Bruder, M. (2014). Speaking (Un-)Truth to Power: Conspiracy Mentality as a Generalised Political Attitude. *European Journal of Personality*, 28(1), 25–43. <https://doi.org/10.1002/per.1930>.

[Научные статьи]

Шомова С. А.

*От конспирологии до розыгрыша:
проблема мис- и дезинформации в пандемийном дискурсе*

Isupova, O. G., Rozhdestvenskaya, E. YU., Lagereva, A. E. (2021). Kovidnyj resentment v social'nyh setyah: repertuar motivirovannyh suzhdenij. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny, (5), 374–398. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.2004>

Jovančević, A., Milićević, N. (2020). Optimism-Pessimism, Conspiracy Theories and General Trust as Factors Contributing to COVID-19 Related Behavior – A Cross-Cultural Study. Personality and Individual Differences, 167. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110216>

Kachkaeva, A. G., SHomova, S. A., Dushakova, I. S. (2021). Fejk: ot akademicheskikh diskussij k prakticheskim resheniyam. Kommunikacii. Media. Dizajn, 6(2), 5–32. <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/12600>

Kazun, A. D., Porshnev, A. V. (2021). Kto verit v teorii zagovora? Faktory sklonnosti k konspirologicheskomu myshleniyu v Rossii, Kazahstane i Ukraine. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny, (6), 549–565. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1889>

Mihailidis, P. (2023). Civic Distance: Digital Culture's Intrusion on Trust, Engagement, and Belonging. In K. Fowler-Watt, J. McDougall (Eds), The Palgrave Handbook of Media Misinformation. Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-031-11976-7_1

Musi, E., Aloumpi, M., Carmi, E., Yates, S., O'Halloran, K. (2022). Developing Fake News Immunity: Fallacies as Misinformation Triggers During the Pandemic. Online Journal of Communication and Media Technologies, 12(3), Article No: e202217. <https://doi.org/10.30935/ojcm/12083>

Ohio University MPA. Fake News, Misinformation, & Fact-Checking. OhioUniversity. <https://onlinemasters.ohio.edu/masters-public-administration/guide-to-misinformation-and-fact-checking/>

Petrov, N., Arhipova, A., Spiridonov, V., Pejgin, B. (2020). Infodemiya: sushchestvuyushchie podhody k analizu panik, fobij, sluhov, fejkov vo vremya epidemij i predlozheniya po bor'be s nimi. Monitoring ekonomicheskoy situacii v Rossii. Tendencii i vyzovy social'no-ekonomicheskogo razvitiya, 8(110), 80–87.

Pochepcov, G. Fejki kak informacionno-virtual'nyj ob"ekt. https://repository.mdu.in.ua/jspui/bitstream/123456789/1081/1/pr_vch_Vip.21_2019.pdf

Shu, K., Mahudeswaran, D., Wang, S., Lee, D., Liu, H. (2018). FakeNewsNet: A Data Repository with News Content, Social Context and Spatialtemporal Information for Studying Fake News on Social Media. Cornell University. <https://doi.org/10.48550/arXiv.1809.01286>

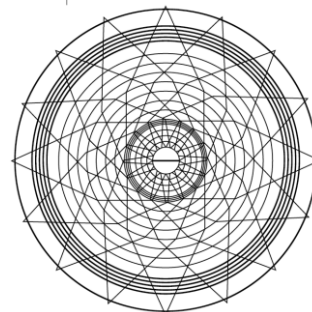
Sociologiya pandemii. Proekt KoronaFOM (2021). Ruk. avt. kollektiva A. A. Oslon. Institut Fonda Obshchestvennoe Mnenie. <https://media.fom.ru/fom-static/%D0%A4%D0%9E%D0%9C%20-%202021%20-%20%D0%9A%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0%20->

[Научные статьи]

Шомова С. А.

От конспирологии до розыгрыша:

проблема мис- и дезинформации в пандемийном дискурсе

[%20%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F%20%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%B8_%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%20%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%A4%D0%9E%D0%9C.pdf](#)

Steinberg, L. (2017). Infographic: Beyond Fake News – 10 Types of Misleading News. <https://eavi.eu/beyond-fake-news-10-types-misleading-info/>

Sternin, I. A., SHesterina, A. M. (2020). Markery fejka v mediatekstah. ООО «RITM».

Tandoc, E. C., Lim, Z. W., Ling, R. (2017). Defining “Fake News”: A typology of scholarly definitions. Digital Journalism, 6(3), 1–17.

Twitter (2020). Политика в отношении манипуляции платформой и спама. <https://help.twitter.com/ru/rules-and-policies/platform-manipulation>

Vamanu, I. (2019). Fake News and Propaganda: A Critical Discourse Research Perspective. Open Information Science, 3(1), 197–208.

van Prooijen, J.-W. (2022). Psychological benefits of believing conspiracy theories. Current Opinion in Psychology, (47), October 2022, 101352. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2022.101352>

Varieties of Fake News and Misrepresentation (2019). <https://www.laetusinpraesens.org/docs10s/fakenews.php>

Yablokov, I. (2020). Russkaya kul'tura zagovora. Konspirologicheskie teorii na postsovetskom prostranstve. Al'pina non-fikshn.

Youtube (2020). Правила и безопасность. <https://www.youtube.com/intl/ru/about/policies/#community-guidelines>

Zaryan, S. (2017). Truth and Trust: How Audiences Are Making Sense of Fake News. MSc Media and Communication, Lund University.